

A movie poster featuring a man and a woman in a medieval setting. The woman, Sofia Skofield, has long dark hair in a braid and wears a blue dress. The man has dark hair with grey streaks and wears a dark tunic with a metal cuff and chain. They are looking at each other in front of a stone building with a large arched window showing a cityscape at sunset. The title is in large, ornate gold letters at the bottom.

СОНА СКОФИЛД

ЗАМУЖ ЗА
ДРАКОНА,
КОТОРОГО КАЗНЯТ

Сона Скофилд

**Замуж за дракона,
которого казнят**

«Автор»

2026

Скофилд С.

Замуж за дракона, которого казнят / С. Скофилд — «Автор»,
2026

Эсса выходит замуж за человека, которого ненавидит. Руан Тарс перерубил трос пассажирского вагона, где находился ее брат. Через семь суток дракона казнят, а вместе с ним может исчезнуть последняя надежда узнать судьбу пропавшего. Брак дает Эссе право на свидание без посторонних. Она рассчитывает получить ответы, но обнаруживает, что в катастрофе слишком многое не сходится. Поиски брата становятся опасными, а вынесенный приговор оказывается удобным для людей, которым не нужна правда. Каждая встреча с Руаном разрушает уверенность Эссы в том, что она знает своего мужа. Ей все труднее видеть в нем только убийцу. Но поверить человеку и спасти его от казни — не одно и то же. Особенно когда правда может обернуться против собственной семьи.

© Скофилд С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Жена до рассвета	5
Глава 2. Семь имен	10
Глава 3. То, что не горит	15
Глава 4. Другая сторона пролета	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Сона Скофилд

Замуж за дракона, которого казнят

Глава 1. Жена до рассвета

В тюрьму Нереса я принесла два кольца, сменную рубашку и нож для разделки каната. Нож у меня забрали сразу. Кольца надзиратель долго разглядывал на ладони, словно в медных ободках скрывалась угроза посерьезнее наточенной стали.

— Жених знает? — спросил он.

— Если вы передали вчерашнее письмо.

— Письмо передали.

— Тогда знает.

Рубашку надзиратель встряхнул так, что из нее выпала сухая веточка лаванды. Я положила ее в сверток по привычке. У меня все чистое белье лежало с лавандой, даже холсты, которыми зимой укрывали верстаки. Теперь веточка валялась у чужого сапога, а я вдруг почувствовала себя нелепо. Будто собиралась не выведать у убийцы, где тело моего брата, а поселить его в собственной спальне.

— Это тоже нельзя?

Надзиратель посмотрел вниз, наступил рядом и отодвинул веточку носком.

— Можно. Только поднимите сами.

Я наклонилась. Левый рукав плаща зацепился за угол стойки. Старая заплатка разошлась с коротким треском, и я увидела белую нитку, торчащую из синей шерсти. Иллар пришивал эту заплату три года назад. Криво, крупными стежками, гордый собой, потому что я тогда сломала палец и не могла взять иголку.

Двадцать семь дней я не знала, жив ли он.

За эти дни я выслушала гораздо больше бесполезных слов, чем за предыдущие тридцать два года. «Предположительно». «С высокой вероятностью». «Принимая во внимание глубину падения». Писец городской управы уверял, что отсутствие останков не должно мешать мне принять действительность. Я спросила, случалось ли ему принимать такую действительность за своего брата. Он перестал смотреть мне в лицо и велел явиться за свидетельством через месяц.

Я не стала ждать. Вместо этого купила два дешевых кольца.

— Эсса Варн?

В коридор вышла сухая женщина с желтой папкой под мышкой. На ее черном воротнике серебрился маленький знак Палаты защитников. Она смотрела не на кольца, а на меня, внимательно и без любопытства.

— Хелла Рис. Защитница Руана Тарса. Нам нужно поговорить до того, как вы войдете.

— Я все написала в заявлении.

— В заявлении вы написали, что вступаете в брак по собственной воле. Я хочу убедиться, что вы понимаете, во что вступаете.

Она отвела меня в комнату с облупленной печкой. Над щелью в стене висел шерстяной платок, свернутый тугим валиком. Здесь пытались бороться со сквозняком теми же средствами, что и в моей мастерской. Я почему-то обрадовалась этому сходству. От камня, запертых дверей и черных мундиров уже начинало ломить затылок.

Хелла положила папку на стол, но не открывала.

— Казнь назначена на рассвет двадцать первого ноября. Сегодня четырнадцатое. Брак срок не изменит.

— Знаю.

— Семейное свидание длится два часа. Вас будут обыскивать до и после. Разговор не записывают, но за дверью остаются двое охранников. При угрозе они войдут. Вы не сможете вынести документы или вещи без осмотра.

— Мне не нужны документы.

— Вам нужен ваш брат.

Я сжала кольца в кулаке.

— Мне нужно узнать, где его искать.

— И ради ответа вы готовы стать женой человека, которого вините в его смерти?

— А вы готовы дать мне другой способ поговорить с ним без писца?

Хелла опустила глаза к папке.

На первом заседании она стояла у судейского стола и просила отложить рассмотрение, потому что подзащитный еще не оправился после ожогов. Я сидела на скамье позади Майры, жены погибшего перевозчика, и ненавидела защитницу. Тогда мне казалось, что она просто тянет время. Руан Тарс признал приказ, признал удар, признал, что видел людей в вагоне. Чего еще было ждать?

Теперь я сама ждала от нее невозможного.

— Передавать вам содержание бесед с подзащитным без его согласия я не могу, — сказала Хелла. — Но он согласился на разговор. На брак тоже. Условия ему объяснены отдельно.

— Почему?

— Спросите у него.

— Мне бы до свадьбы.

Впервые ее рот чуть дрогнул.

— Он сказал, что вы все равно будете искать. И лучше, если будете искать не вслепую.

Я отвернулась к печке. У левой чугунной ножки засохла буроватая лужица. Протекала труба или кто-то пролил чай. Я смотрела на пятно, пока не сумела снова дышать ровно.

— У него есть долги?

— У всех взрослых людей есть долги, госпожа Варн. Некоторые записаны в книгах, некоторые нет. Его прежние денежные обязательства вашими не станут. Родственники погибших вправе требовать возмещения с виновных, но не с вас за сам факт брака. Жилье, которое занимал Тарс, служебное. Наследовать там нечего.

— Я не собиралась наследовать.

— Я обязана сказать. Кроме того, вы можете передумать. Сейчас, у двери или перед записью. А после заключения брака имеете обычное право на расторжение. Оно не исчезает потому, что ваш муж заключенный.

Я кивнула. Хелла наконец открыла папку и протянула мне лист.

— Прочтите. Не подписывайте, пока не дочитаете.

Лист был коротким. Имя. Возраст. Отсутствие другого брака. Подтверждение, что никто не принуждал. Я провела пальцем по последней строке и подумала о том, как легко можно сделать человека совершенно свободным на бумаге. Никто не стоял у меня за спиной с ножом. Никто не велел идти сюда. Просто мой брат исчез, а единственный человек, видевший его в тот день, был недоступен мне без этой подписи.

— Свидетели? — спросила я.

— С вашей стороны пришла Тома Век. Со стороны жениха будет тюремный лекарь. Он не участвовал в вашем решении и может свидетельствовать.

— Тома уже здесь?

— Уже полчаса. Успела объяснить начальнику тюрьмы, что у него на лестнице скользкие ступени.

Это было так похоже на Тому, что я едва не рассмеялась. Смех застрял где-то под ребрами.

Соседка ждала у следующей двери. На ней был лучший коричневый платок, который она берегла для поминок и крупных покупок. Увидев меня, она молча взяла за руку и сжала холодные пальцы.

— Еще можно уйти, — сказала она.

— Знаю.

— Я не про то, что тебе разрешат. Я про то, что я уйду с тобой. Не скажу потом ни слова. От этого стало хуже, чем от всех предостережений Хеллы.

— Он был жив, когда вагон отцепился от площадки, — сказала я. — Утром Иллар купил пирог у Месс. У него в кармане осталась сдача. Две серебряные монеты и медная. Я все время думаю об этих монетах. Что они где-то есть. В камнях, в воде, в его кармане. А все вокруг уже говорят о нем так, будто его никогда не было.

Тома обняла меня за плечи, осторожно, не пытаясь пригнуть мою голову к своей груди.

— Тогда пойдем и спросим.

Комната для брачной записи оказалась не часовней. Обычная большая комната с узким высоким окном. На подоконнике лежала треснувшая чашка. У стены стояли двое охранников, у стола — мужчина в темном кафтане без пуговиц на вороте.

Руана Тарса я видела в суде издалека. Тогда на нем была чистая перевязь, волосы закрывали лоб, а лицо казалось неподвижным от высокомерия. Теперь я заметила желтизну старого синяка у скулы и то, как неловко он держал левую руку. На запястье сидела широкая железная скоба. Короткая цепь соединяла ее со второй, на правой руке. Не тяжелая тюремная цепь, а такая, которой запирают кладовую. От этого все почему-то выглядело еще страшнее.

Он был выше, чем я ожидала. И моложе своего приговора.

Седина у висков, темные брови, неровная переносица. Ничего необыкновенного. Мужчина, которого можно было встретить на мосту, пропустить вперед у дверей, рассердиться на него в очереди. Я ждала, что мне сразу захочется ударить его. Вместо этого захотелось спросить, почему он не смотрит на меня.

Потом он поднял глаза.

— Госпожа Варн.

Голос был низким, немного хриплым. Не торжественным.

— Господин Тарс.

— Вы прочли условия?

— Мне объяснили их трижды.

— Хорошо.

Он перевел взгляд на мои руки. Я все еще держала кольца в кулаке. На ладони наверняка остались два красных круга.

— У меня нет кольца, — сказал он.

— У меня есть.

Писец, пожилой человек в зеленом жилете, кашлянул. Начальник тюрьмы представился Ярвеном Лотом и еще раз спросил меня, не подвергалась ли я угрозам. Я ответила. Потом он задал тот же вопрос Руану. Тот ответил так же спокойно, как назвал свое имя.

Никто не произнес слов о вечной любви. Писец прочитал о взаимной заботе, о праве каждого супруга на имущество и труд, о недопустимости сокрытия другого брака. Когда дошел до обязанности сообщать друг другу обстоятельства, которые ставят семью под угрозу, Руан поднял голову.

Наши глаза встретились.

— Вот с этим у вас, кажется, трудности, — сказала я негромко.

Тома сдавила мою руку. Но Руан не отвернулся.

— Да.

Писец сделал вид, что не слышал.

Я расписалась первой. Чернила были густые, перо царапало. Под моей фамилией осталось маленькое черное пятно. Руан взял перо правой рукой, придерживая лист скованными пальцами левой. Я увидела, как натянулась кожа у него на виске. Он не издал ни звука.

Кольцо оказалось ему мало.

Эта глупость едва меня не сломала. Я покупала на глаз, думала о суде, о брате, о сроках, а не о чужих пальцах. Теперь медный ободок уперся в костяшку и не шел дальше. Писец ждал, охранник у двери отвернулся, Тома полезла в карман, будто могла достать оттуда другое кольцо.

— Не надо, — сказал Руан, когда я попыталась надавить. — Оставьте так.

— Оно соскользнет.

— Я отдам лекарю. Он расширит.

— Это не обязанность лекаря, — пробормотал свидетель, но взял кольцо.

Мой ободок сел свободно. Я вдруг подумала, что Иллар бы засмеялся. Сказал бы, что канатчица обязана уметь снимать мерку, а потом предложил бы обмотать палец ниткой.

Я закрыла глаза на один вдох.

Писец поздравил нас, словно это было уместно. Тома поцеловала меня в щеку, сухо и крепко. Руан не приблизился. Я была ему благодарна за это и злилась на благодарность.

Когда свидетели вышли, охранники переставили стол ближе к двери, проверили решетку на окне и тоже ушли. Один оставил на столе песочные часы.

— Два часа, — сказал он. — Дверь не заперта с вашей стороны. Госпожа, если захотите уйти, постучите.

Замок щелкнул.

Я села. Руан остался стоять.

— Если вы сейчас скажете, что вам жаль, я уйду, — сказала я.

— Не скажу.

— Вы перерубили трос?

— Да.

— Вы знали, что там люди?

— Да.

Я смотрела на его рот. Мне было легче смотреть на рот, произносивший эти слова, чем на глаза.

— Семь человек.

— Семь.

— Мой брат. Иллар Варн. Двадцать восемь лет. Он носил серую куртку с кожаными локтями. У него правый ботинок скрипел. Он все собирался починить и не чинил. Это что-нибудь меняет для вас?

Руан медленно опустился на стул.левой рукой он держался за край стола, пока не устроился так, чтобы не касаться спинкой больного плеча.

— Я видел его куртку.

Во мне все остановилось.

— Где?

— На вагоне. А потом на цепи под уступом.

— На какой цепи?

— Служебной. Она идет к восточному водосбросу.

Я наклонилась вперед так резко, что часы качнулись.

— Вы видели его после падения?

— После того, как я разрубил трос. До окончательного падения вагона. Он выбрался из разбитой двери.

За стеной кто-то прошел. Звякнули ключи. Все обычные звуки вдруг стали невыносимо отчетливыми.

— Почему этого не было в суде?

— Было. На первом разбирательстве. Я сообщил следователю, потом Хелле.

— Мне сказали, что никто не выбрался.

— Мне сказали, что в воде никого не нашли. Это разные вещи.

Я вспомнила, как добивалась места на оглашении. На предыдущие заседания меня не пустили: в зале было мало скамей. Я читала вывешенные итоги и верила, что в них написано все существенное.

— Хелла просила возобновить поиск, — добавил он. — Только кроме моих слов ничего нет. Я не знаю, добрались ли они до воды. Рядом с вашим братом была женщина.

— Какая женщина?

— Сильва Керн.

Я слышала это имя. Все слышали. Дочь советника снабжения, пропавшая вместе с остальными. В газетном листке писали о скорби отца. На ограде управы висела черная лента.

— Вы хотите сказать, что они живы?

— Я хочу сказать, что видел их живыми тогда. Дальше не видел.

Я откинулась на стуле. Вдруг стало трудно удержать голову. За двадцать семь дней надежда успела превратиться у меня во что-то стыдное, почти неприличное. Мне приходилось прятать ее от соседей, от чиновников, от самой себя. Теперь этот человек положил ее на стол между нами, и я не знала, что с ней делать.

— Расскажите все.

Руан посмотрел на часы. Песок сыпался тонкой струйкой.

— Сначала ответьте на один вопрос. Иллар передал вам книгу за день до рейса?

Я почувствовала, как холодеют пальцы.

Книга лежала у меня в мастерской. Старая приходная книга, которую брат забрал сверить заказы городских лестниц. Ее принес мальчишка с рыбного рынка. Я запомнила, потому что Иллар вложил записку: «Не сердись, завтра объясню».

Завтра он не пришел.

— Откуда вы знаете о книге?

Руан подался вперед. Цепь на его запястьях скользнула по дереву.

— Значит, передал. Не отдавайте ее никому. Даже если вам скажут, что от этого зависит моя жизнь.

Я смотрела на мужчину, чье имя только что появилось рядом с моим в городской книге браков, и впервые поняла: я не просто пришла за ответом. Я принесла сюда что-то, о чем сама еще ничего не знала.

Глава 2. Семь имен

— С чего вы решили, что я буду спасать вашу жизнь? — спросила я.

Руан чуть отодвинул часы от края стола.

— Не решил. Поэтому и предупредил.

Я разжала кулак. Медное кольцо холодило палец, а ладонь была горячей и влажной.

— Вы знали Иллара?

— Мы встречались дважды. По работе. Он проверял вес защитных сетей у западной башни.

— Он проверял все. Даже гири у булочника, когда покупал хлеб. Булочник от него прятался.

Я сказала это и рассердилась на себя. Зачем рассказывать ему такое? Но Руан не улыбнулся, не попытался ухватиться за эту маленькую возможность стать для меня человеком.

— Он принес мне записку утром перед рейсом, — сказал он. — В ней было о грузе. И о книге, которую он отправил вам. Я не видел ее и не знаю, что именно в ней спрятано.

— А в записке?

— Что под видом глазури везут огненную соль. Что груз нельзя допустить к воздушному резервуару.

— Почему он сел в вагон?

— Хотел вывезти доказательства.

Ответ был слишком быстрым. Я уже много раз слышала такие ответы от людей, которым хотелось закончить неприятный разговор.

— Доказательства чего?

— Подмены груза.

— Он мог просто не садиться. Пойти в управу. Прийти ко мне.

Руан опустил глаза на свои руки. Скоба оставила на коже красную полосу. Он повернул запястье, но железо не сдвинулось.

— Мог.

Я отвернулась. Это короткое слово было хуже попытки утешить. В нем оставалось место всем тем обычным поступкам, которых мой брат не совершил. Он мог прийти домой. Мог прислать еще одну записку. Мог хоть раз не считать, что за умного человека опасную работу сделает его ум.

— Нарисуйте, где вы его видели.

— Здесь нет бумаги.

Я постучала в дверь. Охранник открыл почти сразу. На мой вопрос о бумаге он ответил, что нужно разрешение начальника. Я попросила разрешение. Он посмотрел на часы, словно я нарочно тратила чужое время, но ушел.

Мы остались у открытой двери. За ней виднелась каменная стена, несколько крючков и мокрый след от сапога. Руан откинул голову к стене. На мгновение лицо его стало совсем усталым.

— Вам больно? — спросила я, прежде чем успела решить, хочу ли спрашивать.

— Да.

— Здесь есть лекарь.

— Он сделал все, что мог на сегодня.

— Вам нельзя сидеть?

— Можно. Просто не так.

Он осторожно подался вперед и прижал локоть к животу. Ворот кафтана отошел от шеи. Под ним белела повязка, а выше, у самого плеча, проступала грубая темно-розовая кожа.

Я смотрела на ожог и думала о вагоне. До этого дня мое воображение обходило все подробности. Был трос, был удар, было падение. Как картинка на дешевом листке. Теперь к картинке прибавились горячая кожа, запах сгоревшей ткани, невозможность повернуться на левый бок. Я не хотела знать этого о нем. Мне хватало того, что я не знала о брате.

Бумагу принес сам Лот. Карандаш он положил на стол только после того, как предупредил: рисунок осматривают при выходе.

— Осматривайте, — сказала я. — Только не забирайте.

— Если это схема побега, заберу.

— Тогда нам обоим придется разочаровать вас.

Лот перевел взгляд на Руана, и я вдруг увидела, как тот почти улыбнулся. Не мне. Скорее тому, что в этой комнате еще могло прозвучать что-то обычное.

Рисовал он плохо. Пролет получился похожим на перекошенную полку, водосброс — на бочку. Зато расстояния он отмечал уверенно. Я попросила карандаш и перерисовала то, что поняла, привычными условными знаками канатной мастерской. Он смотрел через стол, потом наклонился ближе.

— Цепь не здесь. Она идет по тыльной стороне уступа. С площадки ее не видно.

— Но спасатели должны были знать.

— Знали. Вода тогда стояла высоко. Они прошли нижний выход и берег. Верхний лаз был закрыт решеткой.

— Кем?

— По приказу коменданта пролета. Опасность обвала.

— Очень удобная опасность.

— Она была настоящей. Камень там треснул до падения вагона. Я не говорю, что приказ был честным. Я говорю, что туда нельзя идти одной.

— А с вами, разумеется, можно?

Он посмотрел на скобы.

— Со мной сейчас вообще мало куда можно.

Я отвела глаза от железа. Мне не нравилось, как легко он принимал мои злые слова. Упрямое сопротивление было бы понятнее. Я могла бы злиться, не ощущая, будто бью того, кто не станет защищаться.

— Не делайте так, — сказала я.

— Как?

— Не соглашайтесь со всем. Это не заставит меня вас пожалеть.

— Я не со всем соглашаюсь. Я не согласен, чтобы вы шли к водосбросу одна. И не согласен, что вы обязаны меня жалеть.

За окном прокричала птица. Тонко, противно. С улицы донесся удар колеса о выбоину. Я смотрела на неровный карандашный берег и пыталась представить брата, стоящего на цепи над кипящей водой. Иллар плохо плавал. Он всегда смеялся, что умному человеку достаточно держаться подальше от глубины.

— Там горячо?

— У верхнего сброса тепло. Ниже холоднее.

— Если он упал в воду...

— Я не знаю, Эсса.

Он впервые назвал меня по имени. Не мягче, не ближе, просто потому, что я в ту секунду была человеком, которому собирались сказать правду.

— Я мог бы придумать, как он выбрался. Но не знаю.

Я кивнула и стала складывать рисунок. Карандаш оставлял темные следы на пальцах. Руан придвинул мне чистый край бумаги, чтобы я вытерла руки. Я не воспользовалась.

Оставалось больше часа.

Мы уже сказали все, ради чего я пришла, и я могла уйти. Но подниматься не хотелось. За дверью снова начинался город, где приходилось думать, кому задать следующий вопрос и что ответить следующему человеку, знающему, как мне следует горевать. Здесь сидел тот, кого я ненавидела, зато он хотя бы не велел мне смириться.

— Вы помните остальных? — спросила я.

— Помню.

— Назовите.

Он назвал. Ган, Терс, Мод, Рев, Шел. Не запнулся. Не добавил ничего о трагической необходимости.

— У Гана жена, — сказала я. — Майра. Она сидела передо мной на оглашении. Все время поправляла рукав, хотя с рукавом было все в порядке.

Руан кивнул.

— Вы ее знаете?

— Приходила в летнюю управу, когда Гану задерживали плату за ночные рейсы. Она принесла счет и поставила передо мной. Сказала, что у нас в отчете все часы на месте, а в кошельке у нее их нет.

— И вы заплатили?

— Велел проверить. Заплатили через два дня.

— Как великодушно. Деньги, которые и так были его.

— Да.

Я прикусила губу.

— Простите. Нет. Не простите. Я не знаю, что говорить.

— Не нужно подбирать слова для меня.

Он протянул руку к кружке. До этого я не замечала, что кружка стояла слишком далеко слева. Цепь натянулась. Руан переместил правую руку, но при этом дернул больное плечо и побледнел.

Я переставила кружку сама.

— Вы могли попросить.

— Мог.

— Опять согласились.

На этот раз он действительно улыбнулся. Очень коротко, одним уголком рта. От этой улыбки его лицо изменилось сильнее, чем мне хотелось бы замечать.

— Спасибо, — сказал он.

Я сунула руки под стол.

К концу свидания он успел рассказать мне про левый край вагона, сломанную дверь и кусок троса, который после падения отнесли на склад вещественных доказательств. На тросе должно было остаться то, что попало на него из груза. Не след драконьего дыхания, как написали в заключении, а белесый налет. Я знала, как выглядит огненная соль после жара. Мы иногда получали использованные печные канаты и отбраковывали те, на которых появлялась такая корка.

— Почему это не проверили?

— Проверили на ожог. Мастер написал: повреждение высокой температурой. Отчего именно, не спрашивали.

— Хелла спрашивала?

— Да. Ей ответили, что я сам подтвердил удар и от дальнейшей проверки не изменится число погибших.

— А оно и не изменится.

Руан поднял глаза.

— Нет.

Вопрос о том, сколько раз в день он вспоминает погибших, так и остался у меня на языке. Когда время закончилось, я встала слишком резко. Ноги затекли. Руан тоже поднялся, хотя я не ждала от него вежливости.

— Рубашка вам, — сказала я. — Там нет ничего спрятанного.

— Я понял.

— Она брата. Чистая. Может быть, будет мала.

Он посмотрел на сверток так, будто я оставила не рубашку, а живую птицу.

— Я могу попросить выдать другую.

— Не нужно. Эту все равно никто не носит.

Слова ударили меня саму. Я отвернулась раньше, чем он успел что-нибудь сказать, и постучала в дверь.

Хелла ждала в коридоре. Она не стала спрашивать, как прошло. Только попросила показать рисунок, когда охранник закончит осмотр.

— Почему вы не сказали мне раньше, что он видел Иллара живым? — спросила я.

— Я писала вам. Дважды. На адрес мастерской в Нижнем ряду. Первое письмо вернулось: «Здание опечатано». Второе не вернулось.

— Мастерскую затопило. Мы работали у Тома в прачечной. Но я же приходила в приемную.

— В судебную. Не в мою. Госпожа Варн, я не знала, что вы не получили письма, пока не прочла ваше заявление о браке. Вчера я послала за вами человека. Он вернулся после закрытия тюрьмы.

Я вспомнила девушку, которая прибежала вечером. Я не впустила ее, потому что она сказала: «От защитницы Тарса». Ответила через дверь, что не хочу денег и уговоров. Девушка постояла, ушла.

Мне стало жарко.

— Это была ваша помощница?

— Вероятно. Не будем тратить на это день. Теперь вы знаете. Я добивалась повторного поиска, но у меня нет того, что заставит палату пересмотреть отказ.

Я показала рисунок и рассказала о налете.

Хелла выслушала, не перебивая. Потом достала из папки лист и прямо на подоконнике написала новое ходатайство.

— Вы сможете дать заключение по канату?

— Смогу определить, что с ним делали. Соль должен смотреть печной мастер.

— Имя?

— Бран Шит. Он проверяет печи красильщиков. Не любит меня.

— Это даже хорошо.

Она быстро подсушила чернила, сложила лист и посмотрела на кольцо.

— Сегодня больше ничего не делайте одна.

— У меня мастерская.

— В мастерскую можно. На пролет нельзя.

Все почему-то решили, что я собираюсь немедленно лезть в расселину. Может быть, потому, что я действительно собиралась.

Тома ждала меня у ворот. В руках у нее был бумажный сверток с пирогами.

— Съешь, — велела она.

— Не хочу.

— Это не вопрос о желании. У тебя руки дрожат.

Мы остановились под навесом закрытой лавки. Я откусила пирог, и капуста обожгла язык. Тома смотрела на меня, пока я жевала.

— Ну?

— Он видел Иллара на цепи. После удара.

Соседка закрыла глаза. Всего на секунду. Потом крепче прижала к себе сверток.

— Живым?

— Тогда живым. И Хелла мне писала. Я не получила. Или не захотела получить.

Тома ничего не сказала. За это я любила ее больше всего: иногда она умела не произносить очевидного.

До мастерской мы не дошли. У лестницы на Нижний ряд стояла Майра.

Я узнала ее по тому самому рукаву. Она опять тянула ткань вниз, к запястью. В другой руке держала сетку с маленькой буханкой. Увидев меня, Майра перестала поправлять одежду.

— Это правда?

Город был маленьким, когда нужно было сохранить что-нибудь свое.

— Что именно? — спросила Тома, вставая рядом.

Майра не посмотрела на нее.

— Ты вышла за него?

Я могла сказать, что это не настоящий брак. Что на бумаге. Что ради брата. Все это было бы удобно мне и ничего не изменило бы для нее.

— Да.

Майра смотрела на мое кольцо. Потом подняла глаза.

— А я вчера продала мужнины сапоги. Хорошие. Он их всего две зимы носил.

Я не нашла ответа.

— Мне сказали, ты тоже потеряла своего. Я думала, ты понимаешь.

— Я ищу Иллара.

— А моего искать уже не надо. Моего отдали. В коротком ящике.

Тома тихо произнесла ее имя, но Майра отступила.

— Не трогайте меня. Ни одна.

Она пошла вверх, медленно, держась за перила. Сетка с хлебом ударялась о колено.

Я смотрела ей вслед и впервые за весь день захотела снять кольцо. Не потому, что пожалела о сделанном. Потому, что хотелось перестать быть видимой.

— Ты не обязана сейчас ей объяснять, — сказала Тома.

— Я и не смогу.

В мастерской пахло сырой пенькой. У двери еще стояла отметка, до которой дошла вода во время прорыва стока. Я сняла плащ, нашла на полке тяжелую приходную книгу и положила перед собой.

На корешке были мои инициалы, выжженные Илларом еще в юности. Он сделал букву «В» слишком пузатой, и я много лет дразнила его за это. Теперь провела пальцем по старому ожогу и открыла первую страницу.

Ничего. Заказы. Оплаты. Долги. Чужие подписи.

В дверях появилась Тома.

— Я принесу лампу. Уже темнеет.

— Не надо. Я сама.

Она задержалась, но спорить не стала.

Я листала книгу до тех пор, пока перестала различать цифры. Заказ на восемь лестниц. Возврат двух связок. Три недостающих мотка. Вещи, из которых раньше состояла моя жизнь.

На последнем развороте брат оставил обычную помету: «Проверить северный край».

Я прочла ее раз, другой. Потом перевернула книгу верхом вниз.

У северного, то есть верхнего, края корешка проходила новая нить. Не наша, не льняная. Тонкая, темно-красная, почти незаметная в старой коже.

Я не стала резать ее. Завернула книгу в холст, положила под верстак и пошла за Томой.

На этот раз я не собиралась разбираться одна.

Глава 3. То, что не горит

Утром пятнадцатого ноября я проснулась на узкой скамье в Томиной кухне. Шея затекла, под щекой отпечатался шов свернутой кофты. Книга лежала в сундуке под скамьей, и первую минуту я не могла понять, почему держу ключ в кулаке.

Потом вспомнила все сразу.

Тома стояла у печи и резала лук. Очень мелко, с таким выражением лица, будто лук был лично виноват в случившемся.

— Ты спала три часа, — сообщила она. — Не спорь, я считала.

— Зачем?

— Чтобы ты не сказала, будто выпалась.

На столе стояла миска каши. Рядом лежал мой плащ с заново пришитой заплатой. Я взяла его и увидела, что Тома не выпорола Илларовы стежки, а укрепила ткань вокруг них.

— Спасибо.

— Не за что. Ешь.

Хелла пришла до восьмого удара колокола. За ней вошел Бран Шит, широкий, краснощекий, с бровями, которые всегда выглядели опаленными. Он оглядел кухню и сказал, что из трубы тянет обратно.

— Из трубы тянет правильно, — ответила Тома. — А обратно потянет, если вы опять начнете учить меня топить мою печь.

Бран хмыкнул. Они были знакомы лет тридцать и никогда не здоровались без маленькой ссоры.

Книгу мы пока не трогали. Хелла завернула ее в чистую бумагу, подписала дату и попросила Тому подтвердить, что с вечера никто не вскрывал переплет.

— Я не хочу, чтобы потом сказали: вы сами подложили то, что найдете, — объяснила она мне. — Сначала осмотр при свидетеле, который не ваша соседка. Я договорилась с дежурным писцом. Он придет после полудня.

— Руан не знает, что там.

— Значит, мы тем более не станем угадывать.

Она говорила быстро, но не суетилась. Рядом с ней хотелось делать хоть что-то по порядку.

На склад вещественных доказательств нас пустили только после того, как служитель трижды сверил печати. Бран успел выкурить трубку и замерзнуть. Я стояла перед дверью и слушала, как за ней передвигают ящики. Страшнее всего было представить, что троса уже нет. Что его выкинули, сожгли, отдали на ветошь, потому что виновный признался и никому больше ничего не понадобилось.

Трос был.

Короткий обугленный кусок лежал на полке под номером двадцать семь. Рядом стояла металлическая застежка и маленький мешочек с пуговицами, найденными среди обломков. Я слишком долго смотрела на этот мешочек.

— Эсса, — негромко сказала Хелла. — Можете выйти. Я приглашу другого мастера.

— Не нужно.

Служитель расстелил на столе серый холст. Трос выложили поверх. Я не прикасалась к нему, пока не осмотрела концы.

Несущие канаты Северного пролета были из пеньки со стальной жилой. В прошлом году мы поставляли туда защитную обмотку. Я узнала свою работу: узкий перекрестный стежок, два оборота вместо трех, чтобы вода не задерживалась под кожухом. Теперь кожух сгорел почти целиком.

Один конец троса был смят и разорван. Другой срезан неровно, несколькими мощными ударами. Драконьи когти, значит. С этим спорить было невозможно.

— Он рубил, — сказала я.

— Мы не доказываем обратное, — напомнила Хелла.

— Я знаю.

На внутренней стороне волокон, там, где обмотка уцелела, белела жесткая корка. Бран склонился так низко, что его нос почти коснулся троса. Служитель немедленно кашлянул.

— Не нюхайте, — сказала я.

— Я не нюхаю. Я смотрю.

Он достал из сумки маленькую лупу, кусочек темного стекла и щипцы.

— Можно снять крупинку? — спросил Хеллу.

Та посмотрела на служителя. Служитель заглянул в разрешение. Время тянулось так медленно, что я слышала, как вода капает из водостока за окном.

Наконец нам разрешили взять две пробы. Одну для испытания, вторую оставить запечатанной. Бран не стал умничать или произносить длинные слова. Положил крошку на стекло и спросил меня:

— Белая глина у вас есть?

— На складе печей должна быть.

Служитель позвал помощника. Хелла записала, откуда взяли глину, чем отделили пробу, кто стоял рядом. Я смотрела на ее быстрое перо и впервые не ненавидела бумажную работу. Иногда она мешала живым людям. Иногда была единственным способом не дать потом сказать, что ничего не происходило.

Бран поставил стекло на металлическую подставку и подвел снизу маленькую спиртовую горелку. Крупинка побледнела, пошла тонкими лучами. Потом на ней появился оранжевый глазок.

— Убирайте огонь, — сказала я.

Он убрал. Глазок не погас. Наоборот, расплзся по стеклу.

Служитель потянулся к кувшину.

— Нет!

Я перехватила его руку. Бран накрыл пробу мокрой глиной, плотно, без щелей. Стекло тихо треснуло. Несколько секунд из-под глины доносилось шипение, потом все стихло.

— Белая глина гасит огненную соль, потому ее и замешивают заранее, — сказал Бран, отодвигая кувшин. — А чистая вода только разогреет.

Мы стояли вокруг крошечного серого холмика так, будто под ним находилось не больше крупинки соли, а весь вагон.

— Это не глазурь, — сказал Бран.

Хелла закрыла чернильницу.

— Вы дадите письменное заключение?

— Дам. Только не пишите «могло быть». Это огненная соль. Обожженная, намокавшая, но не выработанная до конца. На канат она попала до полного обугливания. Видите, внутри осталась. Если бы ее насыпали потом, лежала бы снаружи.

Я выдохнула. И тут же почувствовала стыд за облегчение. Пятеро все равно лежали в земле. Я не должна была радоваться соли на тросе.

Бран будто понял.

— Это не делает мертвых живыми, девочка. Но лучше знать, от чего они умерли.

— Не называйте меня девочкой.

— Хорошо. Мастерница.

От этого я едва не заплакала.

Мы вышли со склада уже ближе к полудню. У Хеллы было две подписи и запечатанный мешочек. У меня — грязь на юбке и ощущение, что привычный город повернулся ко мне другой стороной. По улице шли люди, везли овощи, ругались на мостовой тележечники. Они не знали, что месяц назад могли сгореть вместе с домами.

У булочной мы встретили Неса, старого подъемного мастера. Я не сразу узнала его без форменной куртки. Он был в чужом пальто, слишком длинном, с блестящими локтями.

Нес узнал меня первым и хотел перейти на другую сторону.

— Подождите.

Он остановился, но не повернулся.

— Мне нечего тебе сказать, Эсса.

— А я еще ничего не спросила.

— Все спрашивают одно.

Хелла сделала мне знак не подходить слишком быстро.

— Вы работали на Северном пролете? — спросила она.

— Работал. Больше не работаю.

— Почему?

— Старый. Оказалось, давно старый, только узнали недавно.

Он криво усмехнулся. Я помнила, как Нес показывал Иллари счетный механизм на водяном колесе. Брату тогда было лет десять, и он полдня ходил за мастером, пока тот не сдался.

— Вы видели вагон в тот день?

— Видел отправку.

— Он шел к резервуару?

Нес поднял на меня глаза.

— А куда ему еще идти? Верхнюю платформу закрыли на ремонт. Пассажиров в тот день вообще не должны были брать.

— Но взяли семерых.

— Не пассажиров. Сопровождение. Так записали.

Он оглянулся на дверь булочной.

— Я не хочу неприятностей.

— У вас уже забрали работу, — сказала я. — За что?

Нес долго молчал.

Потом снял шапку и провел ладонью по редким волосам.

— Я сказал следователю, что аварийный тормоз отключили до отправки. Не при падении сломало. До. На приводе стоял новый стопор. Мор велел не трогать: будто проверяют ход. Я спросил, как пойдет груженный вагон. Он сказал, что не мое дело. Я мог не открыть подачу. Мог. Но открыл.

Бран, стоявший рядом, отвернулся.

Я почувствовала, как во мне поднимается злость. Она была привычной, почти удобной. Еще один человек мог что-то сделать и не сделал. Еще один взрослый человек теперь стоял передо мной, опустив голову.

— Пойдемте с нами, — сказала Хелла прежде, чем я успела заговорить. — Запишем это. При мне, не при том следователе.

— Они скажут, я оправдываюсь.

— Возможно. Но я не предлагаю вам оправдываться. Я предлагаю повторить то, что вы видели.

Нес посмотрел на меня.

— Твой брат меня тогда спросил, будет ли остановка у средней площадки. Я сказал, будет. Так всегда было. Я не знал про стопор, когда отвечал.

— Я поняла.

— Нет, не поняла. Он бы не сел, если бы я сказал, что остановки не будет.

Я хотела верить ему. Очень. Но после разговора с Руаном уже не могла принимать желаемое за точное.

— Тогда расскажите Хелле все. Не только то, от чего нам обоим станет легче.

Он кивнул.

К Томе я вернулась без защитницы. Хелла увела Неса в приемную и обещала прислать писца к книге. Бран пошел составлять заключение, ворча, что ему никто не заплатит за пропущенный осмотр печей. Я сказала, что заплачу. Он ответил, что я и так должна ему за прошлогоднюю скобу. Мы оба знали, что давно рассчитались.

Тома поставила передо мной суп, но есть снова не хотелось.

— Я сегодня иду к нему, — сказала я.

— Ты теперь можешь не спрашивать у меня разрешения.

— Я не спрашиваю.

— Тогда зачем говоришь так, будто оправдываешься?

Я устала в миску.

— Потому что не знаю, что ему принести.

Тома вытерла руки о фартук.

— Чего ему нельзя?

— Ножа. Иглы. Ниток длиннее локтя. Стекла. Слишком горячего.

— Значит, носи хлеб.

Она отрезала половину круглой буханки, завернула в полотенце и положила рядом маленький горшочек масла.

— И не делай из этого подвиг. Человека можно накормить, даже если ты на него сердита.

В тюрьме меня уже узнавали. Это было неприятно. Охранник взял сверток, разломил хлеб, провел тонким металлическим стержнем через масло. Я следила за его руками и старалась не думать, что вчера сама согласилась на эти правила.

Руан был в Илларовой рубашке.

Рукава оказались коротковаты, ворот сидел тесно. Я остановилась у порога. Чужая одежда на чужом человеке вдруг сделала отсутствие брата почти осязаемым.

— Я могу переодеться, — сказал Руан.

— Не надо.

— Вы уверены?

— Нет. Но не надо.

Он кивнул и не стал меня утешать. На пальце у него уже было кольцо. Расширенное, чуть неровное с одной стороны. Лекарь все-таки справился.

— Вам идет, — сказала я и сразу пожалела.

Руан посмотрел на рубашку.

— Кольцо, — уточнила я.

Он провел большим пальцем по медному ободку.

— Оно немного цепляется за кожу. Я попросил не шлифовать. Иначе стало бы тонким.

Я поставила хлеб на стол и рассказала о соли. Он слушал, не перебивая, только при словах об отключенном тормозе поднял голову.

— Нес согласился дать показания?

— Да.

— Его нужно проводить домой.

— Хелла об этом подумала раньше вас.

— Хорошо.

Мне захотелось спросить, почему он не обрадовался. Почему не сказал, что теперь все изменится. Но он сидел напротив, белый от усталости, и я поняла: он слишком долго жил рядом с собственным приговором, чтобы броситься навстречу первому хорошему известию.

— Вы не верите?

— Верю, что на тросе была соль. Я видел, как она горела.

— Я про Неса.

— Верю. Просто до двадцать первого мало времени.

— Не говорите так.

Он посмотрел на меня внимательно.

— Как?

— Будто вам все равно.

Руан опустил глаза, потом снова поднял.

— Мне не все равно. Я просыпаюсь раньше утреннего колокола и лежу, пока он не ударит. Каждый раз думаю, что однажды за мной придут до него. Это не мужество, Эсса. Просто я не знаю, что делать со страхом, кроме как сидеть и ждать, пока он пройдет.

Я не ожидала этого ответа. В нем не было ничего, что удобно было бы ненавидеть.

— Он проходит?

— Иногда. Когда что-нибудь делаю руками.

Я посмотрела на скобы.

Руан усмехнулся, заметив мой взгляд.

— Вот именно.

Я развернула хлеб и подвинула к нему масло. Нож нам не дали, поэтому мы намазывали его тупой деревянной ложкой. Получалось неровно. Руан придерживал кусок одной рукой, другой пытался управиться с ложкой. Я едва не взяла у него хлеб, но остановилась.

— Вам помочь?

— Нет, спасибо.

Он справился сам. Я почему-то обрадовалась сильнее, чем следовало.

Мы ели молча. За окном быстро темнело. В свете лампы было видно, как седые волосы у его виска отличаются от остальных — не белые, а почти серебристые. Я поймала себя на том, что разглядываю их, и отвернулась.

— Вы женились раньше? — спросила я, чтобы занять рот словами.

— Нет.

— Почему?

— Думал, еще успею.

Я посмотрела на него.

— Неудачный ответ.

— Зато правдивый.

— У меня тоже не было мужа.

— Я знаю. Вы это подтвердили перед писцом.

— Не цепляйтесь к словам.

— Постараюсь.

Я улыбнулась. Впервые за много дней не через силу. Улыбка вышла короткой и испуганной, будто я сделала что-то запрещенное. Руан заметил, но не удерживал ее вопросом или шуткой.

— Иллар говорит, что я слишком люблю распоряжаться, — сказала я. — Говорил.

— Говорит, — негромко поправил он. — Пока вы не знаете другого.

Я кивнула.

— Наверное, он прав. У нас рано умерли родители. Мне было шестнадцать. Я решила, что если все делать правильно, ничего плохого больше не случится. Смешно, правда?

— Нет.

— Я заставляла его носить шарф. Проверяла, поел ли. Он вырос выше меня, а я все проверяла.

— И он от этого перестал нуждаться в еде?

— Нет. Но начал врать, что поел.

Руан рассмеялся. Тихо, с осторожностью человека, которому больно глубоко вдохнуть. Я тоже засмеялась, а потом вдруг почувствовала, что слезы уже стоят в глазах.

Я успела отвернуться, но скрыть не успела.

Он не потянулся ко мне. Просто подвинул чистое полотенце, в котором был хлеб, и посмотрел в окно.

Так я и плакала несколько минут: сидя напротив мужчины, которого еще вчера считала единственным виновным в своей беде. Он смотрел на темное стекло и давал мне возможность не быть увиденной до конца.

Когда я успокоилась, в коридоре ударили в маленький колокол. До конца свидания оставалось четверть часа.

— Книгу вскрыют сегодня, — сказала я. — При писце. Я ничего не спрятала от Хеллы.

— Правильно.

— И от вас я не стану прятать то, что найду. Но вы тоже не прячьте от меня ничего. Даже если вам кажется, что мне станет хуже.

Он слишком долго молчал.

— Руан?

— Я постараюсь.

Я должна была насторожиться. Должна была спросить, почему не «обещаю». Но в тот вечер мне впервые стало немного легче, и я не захотела отнимать у себя это облегчение.

Когда я вернулась в прачечную, на столе лежала раскрытая книга. Рядом сидели Тома, Хелла и незнакомый писец с рыжими усами.

Внутри корешка нашли несколько тонких листов.

Не послание ко мне. Не признание. Расходные строки, даты, подписи, номера грузов. Вверху первого листа стояло имя Сильвы Керн.

А внизу последнего, там, где требовалась отметка независимого поверщика, я увидела знакомый наклон букв.

Иллар Варн.

Он не просто проверял чужую работу. На трех листах мой брат подтвердил безопасный состав того самого груза.

Глава 4. Другая сторона пролета

Подпись брата я узнала бы среди сотни других. Иллар нажимал на перо так сильно, что с обратной стороны листа оставались выпуклые бороздки. Я провела по ним подушечкой пальца.

— Может быть, его заставили, — сказала Тома.

Хелла не ответила. Это молчание было честнее поспешного согласия.

— Здесь три разные даты, — сказала я. — За неделю, за четыре дня и накануне.

— Мы еще не знаем, что именно он видел в эти дни.

— Он подтвердил глазурь.

— Да.

Писец сидел очень прямо и старался не смотреть на меня. Хелла попросила его описать каждый лист, затем снять копии. Настоящий журнал решили передать в запечатанном пакете дежурному хранителю Палаты. Я согласилась, хотя мне хотелось спрятать его под одежду и никому больше не показывать. Не ради доказательства. Ради подписи внизу.

Тома осталась рядом, пока я ставила свое имя под записью о находке. Она ничего не сказала. Только отодвинула лампу, когда я едва не задела ее локтем.

Ночью мне снилось, что Иллар вернулся и сердится: я опять разобрала его вещи без спроса. Во сне я кричала на него, а он стоял в дверях и улыбался. Проснувшись я от собственного голоса.

Шестнадцатое ноября началось с мелкого ледяного дождя.

На Северный пролет меня допустили как мастера, присутствовавшего при осмотре каната. Хелла получила разрешение на проверку доступного верхнего участка. К водосбросу спускаться нам не позволили: сначала городской каменщик должен был оценить склон. Я злилась, но после истории с тормозом уже не могла требовать, чтобы кто-то назвал опасное место безопасным только потому, что мне нужно туда попасть.

Со мной пошел старший рабочий пролета, Рем. Я знала его по заказам. Он всегда просил сделать ручки у лестниц толще, потому что зимой пальцы в рукавицах плохо держали тонкий канат. Теперь он выглядел так, будто не спал несколько ночей.

— Не лезь к краю, — сказал он вместо приветствия.

— Я работаю с высотой дольше, чем ты с бородой.

— Вот и вспомни все полезное.

Мы прошли по настилу. Доски блестели от воды. Под ними шумела расселина, скрытая паром. Я бывала здесь много раз, но раньше смотрела на крепления, а не вниз. Сегодня заставила себя подойти к ограждению.

Место падения было почти не видно. Серая каменная полка, ниже темный карман, еще ниже белые клубы над водой. От верхней площадки к противоположной стене тянулся новый трос. На нем еще не было потертостей, и эта новизна казалась оскорбительной. Будто город уже успел заменить сломанную деталь и хотел ехать дальше.

— Где стоял Нес?

Рем показал маленькую будку у колеса.

— Там.

— Он мог остановить вагон подачей?

— Пока вагон на площадке. Потом подача только держит скорость. Аварийный тормоз должен схватить отдельно.

— Но не схватил.

Рем качнул головой.

— Я не видел стопор. Меня в тот день отправили на нижнюю лестницу. Если бы видел... Он замолчал.

Я уже начинала ненавидеть эти незаконченные предложения. Если бы. Мог бы. Знал бы. В них жили все наши мертвые и пропавшие.

— Покажи цепь.

Мы обошли будку и вышли на служебную площадку. Здесь ветер был сильнее. Дождь бил в лицо сбоку, словно кто-то бросал мелкий песок. Рем закрепил страховочный конец на моем поясе, я проверила его узел, потом сама пристегнула его. Он молча позволил.

Служебная цепь уходила за край камня. Сверху было видно всего несколько звеньев, толстых, черных от постоянной влаги. На одном висела полоска ткани.

Я сразу потянулась вниз.

Рем схватил меня за пояс.

— Стой.

— Я достану.

— Ты сначала посмотри, на чем стоишь.

Под правым сапогом у меня была тонкая плита, отслоившаяся от основного камня. Я перенесла вес назад. Плита сдвинулась и упала без громкого звука, просто исчезла в пару. Через несколько мгновений снизу донесся глухой удар.

Мы оба молчали.

Я села на настил, не потому что хотелось, а потому что ноги вдруг перестали держать.

— Прости, — сказала я.

Рем присел рядом.

— Не мне. Я тяжелее тебя, но не настолько, чтобы поймать твою глупость каждый раз.

Он достал длинный крюк. Полоску ткани снял осторожно и положил на сухую сторону своего рукава. Серая шерсть, три темных стежка, край кожаной заплаты.

Я знала эту заплату.

Мир сузился до мокрого клочка на чужой руке. Я не стала кричать. Не заплакала. Просто смотрела, пока Рем не спросил:

— Его?

— Куртка. Я пришивала локоть весной.

Он опустился на корточки так, чтобы быть со мной на одном уровне.

— Это значит, он был на цепи.

Я кивнула.

— Это не значит, что он внизу, — добавил Рем.

— Я знаю.

Но впервые надежда была не чьими-то словами. У нее был мокрый, разлохмаченный край и стежки, сделанные моей рукой.

Мы позвали дежурного стражника. Он записал место находки, завернул ткань и позволил мне держать сверток, пока мы шли обратно. У выхода с площадки нас ждал Вед Мор.

Я видела коменданта раньше только в форме. Сейчас на нем был теплый кожаный плащ, а на шее — аккуратно завязанный шарф. Невысокий, собранный мужчина с гладко выбритым лицом. Он не выглядел человеком, который мог стоять рядом с отключенным тормозом и говорить, что это не чужое дело.

— Госпожа Тарс, — сказал он.

— Варн.

— Разве вы не вышли замуж?

— Фамилию я не меняла.

— Прошу прощения.

Он улыбнулся, но я заметила, как его взгляд задержался на свертке.

— Нашли что-нибудь?

— Передадим в Палату, — ответил стражник.

Мор повернулся к нему.

— Я спросил у госпожи.

— А я ответил по разрешению, которое у меня на руках.

Между ними повисло короткое молчание. Рем стоял у моего плеча, не двигаясь. Я вдруг почувствовала, как много значит иногда присутствие еще одного обычного человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.